

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ЖЕНСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В
ТВОРЧЕСТВЕ АЛИШЕРА НАВОИ И В ЦИКЛЕ А.С.ПУШКИНА
«ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ»**

Мусурманов Эркин Раббимович

профессор

Самаркандский государственный

институт иностранных языков, e-mail: alper25@mail.ru

Валиходжаева Фарруха Батировна

Преподаватель

Самаркандский государственный институт иностранных языков

e-mail: farruxa193@gmail.com

Аннотация: В статье предпринимается сравнительный анализ репрезентации женских образов в творчестве двух великих поэтов — Алишера Навои (XV в.) и Александра Сергеевича Пушкина (XIX в.) — в контексте «восточного текста» русской литературы. На материале поэмы «Фархад и Ширин» из «Хамсы» Навои и цикла «Подражания Корану» Пушкина исследуются сходства и различия в художественной антропологии поэтов. Особое внимание уделяется эволюции образа женщины от идеального (символического) воплощения красоты и добродетели у Навои до психологизированного и философского осмысления женской природы у Пушкина. Делается вывод о том, что, несмотря на разность культурных и темпоральных контекстов, оба художника рассматривают женский образ как важнейший инструмент утверждения гуманистических ценностей, хотя и разными поэтическими средствами.

Ключевые слова: Алишер Навои, А.С. Пушкин, «Подражания Корану», «Фархад и Ширин».

Литературоведы регулярно обращаются к анализу взаимосвязи Востока и Запада в произведениях Пушкина, однако чаще всего сопоставления проводятся между русским поэтом и его западноевропейскими предшественниками (Байрон, Шенье). Между тем, «восточные мотивы» пушкинской лирики, и в

поисками универсальных (донациональных) форм выражения человеческого духа. Встреча двух поэтических вселенных — суфийско-ренессансной системы Навои и пушкинского «реализма в высшем смысле» — позволяет выявить глубинные архетипы женственности в мировой частности цикл «Подражания Корану» (1824),

обнаруживает глубокую преемственность не только с исламской догматикой, но и с той поэтической традицией, которая на протяжении веков формировалась на персидском и тюркском Востоке. Вершиной этой традиции по праву считается творчество Алишера Навои (1441–1501), создавшего «Хамсу» — «пятерицу» поэм, в которой женские образы достигли невиданной ранее эпической глубины.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью пересмотра традиционного взгляда на пушкинский «Восток» как на чисто экзотическую декорацию. Вслед за Ю.М. Лотманом мы полагаем, что обращение Пушкина к восточной тематике было связано с литературе.

Цель настоящей статьи — сопоставить функции и способы изображения женщины в поэме Навои «Фархад и Ширин» (являющейся сосредоточием смыслов восточного эпоса) и в пушкинском цикле «Подражания Корану», где женщина предстает в контексте мусульманской религиозной традиции.

В поэтическом мире Навои женщина — не просто объект воздыхания лирического героя, но активная сила, носительница высшего знания и социальной справедливости. Как отмечают современные исследователи, «почти все женские персонажи великой "Хамсы" (за исключением коварной Золи в "Фархад и Ширин", где ее (Заль-и-Зад) коварство и уродство подчеркивают чистоту чувств Фархада и благородство Ширин) являются идеальными положительными персонажами». Навои описывает внешность женщин с традиционной восточной пышностью (ай юзлюк(тюрк.) луноликость, (наргиз, бодом, оху, кара кёз) нарциссы очей, (сумбуль)гиацинты кудрей, (сарвиноз)грациозный кипарис), однако красота у него всегда служит «главным фактором, определяющим достоинство женщины», то есть является онтологическим, а не только эстетическим знаком.

Концептуально значимой для понимания творческого метода поэта выступает фигура армянской царевны Ширин. В отличие от трактовки Низами, где Ширин пассивна и является призом в состязании Хосрова и Фархада, у Навои Ширин обретает голос и волю. Исследователи подчеркивают: «Навои, в отличие от своих предшественников, изображает Ширин как персонажа, достигшего совершенно нового уровня; она не "оставленная" другим Ширин или принужденная любовником, находящимся на пути измены». Она любит Фархада не за богатство (изначально не зная, что он сын хакана), а за его человечность и трудолюбие простого камнереза. Здесь проявляется суфийский подтекст: любовь Ширин — это любовь к божественному проявлению в человеке.

Исключительное место в системе образов занимает образ Мехинбану (исторически восходящий к Семирамиде). Это правительница Армении, которая выступает как «символ самого активного, храброго, доброго, патриотичного и справедливого правителя». В образе Михин Бану Навои воплощает идеал просвещенной монархини: она не только защищает Ширин, но и противостоит тирану Хосрову с позиции силы разума. Как мудрый политик, «принимая послов Хосрова, она не теряется, а дипломатично откладывает вторжение Хосрова на армянскую землю». Таким образом, Навои утверждает не просто равноправие, но и интеллектуальное превосходство женского ума в вопросах управления государством, что для XV века было смелым гуманистическим заявлением.

В поэме «Фархад и Ширин» особенно показательна сцена строительства дворца. Фархад высекает в скале замок, украшая стены «множеством картин, / На каждой он изображал Ширин». Женский образ здесь становится демиургической музой, источником творческой энергии. Искусство у Навои сакрально, а женщина — его высшая цель. При этом сама Ширин не статична: она вступает в переписку с Фархадом, и в этих письмах раскрывается «её духовный мир, её достоинство, её нравы, целомудрие и красота всего её внутреннего мира». Это не марионетка, а равноправный участник диалога.

Написанный в 1824 году в Михайловском, цикл «Подражания Корану» стал плодом полемики Пушкина с Прасковьей Александровной Осиповой. Эта просвещенная женщина и тонкий собеседник вдохновила поэта на обращение к восточным мотивам. Стихотворение состоит из 9 частей, перелагающих коранические сюжеты. Вопреки расхожему мнению, Пушкин не стремился к буквальному цитированию Корана; он создал «философскую лирику, в которой за религиозным сюжетом просматриваются черты обычного человека».

Для нашей темы ключевым является второе стихотворение цикла, обращенное к «женам чистым пророка». В нем Пушкин пишет:

«О, жены чистые пророка,
От всех вы жен отличены:
Страшна для вас и тень порока.
Под сладкой сенью тишины
Живите скромно: вам пристало
Безбрачной девы покрывало».

В отличие от Навои, где женщина — деятельная героиня (строительница, правительница, воительница духа), Пушкин здесь акцент на том, как в исламе соблюдаются законы и правила. Женщина предстает

как хранительница домашнего очага, отделенная от мира покрывалом. Однако, как справедливо замечают комментаторы, Пушкин не столько восхваляет этот уклад, сколько анализирует механизм религиозного принуждения: «Это и "жены чистые пророка" — мусульманские девушки, обреченные на безбрачие... Однако за религиозным сюжетом просматриваются черты обычного человека, который должен повиноваться законам, не понимая их смысла».

Если у Навои женщина - инициатор и активный участник лирического сюжета (Ширин борется за Фархада), то у Пушкина в «Подражаниях» женские образы скорее пассивны, они — объект морального закона, то есть женщина предстает как объект воздействия высшего закона, лишенная самостоятельной волевой активности. В этом проявляется фундаментальное различие мировоззрений: для суфийского гуманиста Навои любовь — это путь познания Бога, где женщина может быть наставницей (пиром). Для Пушкина, европейского просветителя, восточная женщина — это прежде всего жертва патриархального уклада, «узница», чья красота томится в неволе.

Тем не менее, Пушкин не был бы Пушкиным, если бы не внес в этот образ внутреннего напряжения. Исследователи цикла отмечают, что поэт провозглашает идею духовного освобождения, призывая к отказу от пассивного соблюдения религиозных догм в пользу личной осознанности. В контексте женской темы это означает, что даже за покровом «безбрачной девы» Пушкин видит живую человеческую душу, протестующую против механистичности догматов.

Сопоставление двух поэтов позволяет выявить несколько пересекающихся, но не тождественных линий.

Оба поэта сходятся в идеализации женской красоты. Как справедливо отмечается в современном навоиведении, «Пушкин и Навои считали любовь преходящим чувством, которое, подобно волне, накрывает, захватывает поэта, дает вдохновение и радость, но в то же время быстро уходит, оставляя лишь след». И Навои (трагизм любви часто связан с самопожертвованием (как у Фархада), и Пушкин (мысль о трагической любви выражена через противопоставление быстротечности жизни и вечности разума (в «Вакхической песне» или «Я вас любил») мыслят любовь трагически — как силу, возвышающую человека над смертью.

Творчество обоих авторов отмечено универсализмом и способностью к глубокому освоению мирового культурного наследия. Навои сделал героями китаянку Дилором, армянку Ширин, араба Меджнуна. Пушкин, в свою очередь, воспел грузинку Зарему, цыганку

Земфиру, полячку Марию, татарина Гирея, где славянская, кавказская, азиатская культуры тесно взаимодействуя между собой, высвечивают разные жизненные взгляды на понятия свободы и любви. Женщина у них — это всегда «чужой», пришелец из иного мира, что позволяет обнажить общечеловеческое содержание чувства.

Ключевые расхождения обусловлены спецификой поэтики обоих авторов:

1. У Навои женские образы типологичны и символичны. Ширин — это архетип верности; Михин Бану — архетип власти. Это фигуры большого эпоса, где личное подчинено общему (суфийскому) смыслу. Даже внешность Ширин описывается через устойчивые восточные клише (кипарис, луна), а Михин Бану как (солнце, кипарис, жемчуг)

2. У Пушкина даже в рамках религиозного подражания женщина — это психологическая загадка. Пушкин не создает развернутого женского портрета в «Подражаниях Корану», но он передает состояние подчиненности закону (Пушкин берет клише «чистоты» и «тени» (сладкая сень), но направляет их на ограничение. Женщина здесь — не «солнце», а та, кто должна сидеть в тишине, её красота — в её невидимости и верности закону), что рождает у читателя сострадание. Это путь от эпического к лирическому, от символа к индивиду.

Еще один важный аспект — активность. Фархад и Ширин у Навои вместе строят мир (Фархад — архитектор, Ширин — вдохновительница). У Пушкина же в восточных мотивах женщина чаще всего является заложницей рока или обстоятельств (вспомним «Бахчисарайский фонтан», написанный чуть ранее, где Зарема и Мария — жертвы системы). Пушкинский взгляд более драматичен и трагичен, он пронизан жалостью к «пленнице», тогда как взгляд Навои — эпически-торжествующий.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что сопоставление женских образов у Навои и Пушкина вскрывает два полюса литературного Востока. Навои, стоящий у истоков тюркского Ренессанса, создает женский образ как монументальное воплощение, где красота слита с добродетелью и активным действием. Это образ-символ, прославляющий созидательную мощь любви. Пушкин, напротив, будучи наследником европейского сентиментализма и романтизма, в «Подражаниях Корану» смотрит на восточную женщину через призму этического конфликта личности и закона.

Однако в главном они едины: для обоих гениев женщина — не фон, а смысловой центр мироздания. Как сказал бы Навои, она — «зерцало души», очищающее мир от пыли. Как показал Пушкин, даже «безбрачной девы покрывало» не может скрыть от поэта живого человеческого чувства,

требующего свободы и уважения. Эта общая гуманистическая платформа делает диалог между узбекским поэтом XV века и русским поэтом XIX века не только возможным, но и глубоко плодотворным для современного читателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Алишер Навои. Фархад и Ширин (фрагменты) // Библиотека классики поэзии. — М., 1983.
2. Пушкин А.С. «Подражания Корану».
3. Бонди С.М Поэмы Пушкина.Бахчисарайский фонтан. А.С.Пушкин. Том 3. М., «Художественная литература»,1975,С.126-466,399.
4. Салохий Д. «Алишер Навоий «Хамса»си: генезис ва поэтика масалалари» -2017.С.115-140,210-235.
5. Kimsanova G.T. Alisher Navoi is the founder of the Uzbek literary language and Pushkin is the founder of the Russian language. Comparison of two great personalities // Zenodo. — 2024. — DOI: 10.5281/zenodo.10600440.
7. Uralovna M.M. Women with inner and outer beauty // American Journal of Philological Sciences. — 2024. — Vol. 4, Issue 09. — P. 130–134. — DOI: 10.37547/ajps/Volume04Issue09-21.
8. Лотман Ю.М. О русской литературе классического периода. — СПб., 2004. (Общий теоретический контекст).
9. Денисова А.И. Разные лики любви.Бахчисарайский фонтан.
10. Валиходжаев Б. «Узбек адабиети тарихи»- 2002. -С. 145-160.
11. Мусурманов Э.Р. «Шарк ва Гарб адабиетида киёсий типик образлар» -2015. С.120-135.
12. Мусурманов Э.Р. Литературные традиции и типология образов. -Самарканд: СамГУ-2017.-С.92-104
13. Валиходжаева Ф.Б. Поэт и пророк в диалоге Востока и Запада: творчество Александра Пушкина и Алишера Навои. Xorazm Ma'mun akademiyasi axborotnomasi №2/5 (135) 2026 у., fevral.с.-105-107.
14. Валиходжаева Ф.Б. «А.С. Пушкин ижодида шарқона мотивлар: маданий манбалар ва бадиий талқин.» International Research Journal, pedagogs, Volume-96. Issue-2, с.136-139.